

УДК 93/94

ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОСВЕЩЕНИИ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Исхакова Ольга Анатольевна,

кандидат исторических наук, доцент, Московский автомобильно-дорожный технический университет (МАДИ)

РФ, г. Москва

E-mail: Is-1965-oa@yandex.ru

Аннотация

Предметом исследования данной статьи является эволюция консервативно-монархической концепции государственности в контексте модернизации политической системы Российского государства начала XX века. Проведенный анализ консервативной публицистики выявил серьезные разногласия среди идеологов и лидеров консервативного движения России по содержанию и последствиям реформ, проведенных властью под давлением первой российской революции 1905 – 1907 г.г. В статье делается вывод о том, что консервативные публицисты в целом объективно выявили структурные недостатки механизма функционирования обновленной системы центральных органов государственной власти в России, однако предложенная ими программа по исправлению этих недостатков по сути сводилась к основным постулатам консервативно-монархической идеологии, выработанной к концу XIX века, и не получила широкой политической поддержки в стране.

Ключевые слова: революция 1905 - 1907 г.г., манифест 17 октября, Государственная дума, консервативная публицистика, идеология самодержавия.

MODERNIZATION OF THE POLITICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN STATE IN THE LIGHT OF CONSERVATIVE PUBLICISM AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Iskhakova Olga Anatolievna,Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Moscow Automobile and Road
Construction State Technical University (MADI).

Russian Federation, Moscow

ABSTRACT

The subject of this article is the evolution of the conservative-monarchical concept of statehood in the context of the modernization of the political system of the early 20th-century Russian state. The analysis of conservative journalism revealed serious disagreements among the

ideologues and leaders of the Russian conservative movement regarding the content and consequences of the reforms carried out by the government under the pressure of the first Russian Revolution of 1905-1907. The article concludes that conservative journalists generally objectively identified the structural flaws in the functioning of the updated system of central government bodies in Russia, but their proposed program to address these flaws essentially reiterated the main tenets of the conservative-monarchist ideology developed by the end of the 19th century and did not receive widespread political support in the country.

Keywords: the 1905-1907 Revolution, the October Manifesto, the State Duma, conservative journalism, the ideology of autocracy.

Оформление консервативно-монархической идеологии в России началось в 1830-40-е годы в контексте споров о направлениях развития и месте России в системе мировых цивилизаций. Элементы консерватизма в религиозно-философском выражении современные исследователи находят в мировоззрении славянофилов 40-х гг. XIX в. (Ю.Ф. Самарина, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, И.С. и К.С. Аксаковых) и автора «теории официальной народности» С.С. Уварова [15, С. 146.]. Во 2-й половине XIX-начале XX вв. консервативная идеология продолжала разрабатываться как в религиозно-философском направлении в трудах Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, так и в юридически-правовом аспекте в работах К.П. Победоносцева, Л.А. Тихомирова, П.Е. Казанского, Н.А. Захарова, что стало предметом исследований российской историографии в последние десятилетия. При этом обращается внимание на актуальность проблем, рассматриваемых консервативными идеологами, оригинальность создаваемых ими концепций и их влияние на российскую и зарубежную философию. Вопрос о типологии и генезисе русского консерватизма остается предметом дискуссий в исторической науке и не теряет своей актуальности [2].

Политические реформы, осуществленные в Российском государстве под давлением революционного движения начала XX века, оказались в центре внимания идеологов и лидеров всех политических сил и направлений. Эти изменения стали серьезным испытанием для консерваторов и предлагаемой ими концепции сохранения традиционных исторических устоев в контексте тезиса о самобытности Российской государственности. Вопрос о степени влияния модернизационных политических процессов начала XX века на эволюцию консервативно-монархической концепции государственности, на наш взгляд, интересен и актуален, и является предметом исследования данной статьи. Источниковую базу нашего исследования составили статьи ведущих публицистов основных периодических изданий, ставших трибуной консерваторов, позволявших оперативно в остром дискурсе политической полемики реагировать на сложную революционную ситуацию в стране и проводимые властями реформы.

В центре внимания консервативной публицистики оказались государственные акты осени 1905 – весны 1906 годов, внесшие изменения в Основные законы Российской империи: манифест 17 октября 1905 года и Положение о Государственном совете и Государственной думе. При этом идеологи консерватизма постарались ответить на принципиальный для них вопрос: в какой степени эти изменения повлияли на форму государственного правления и ограничили самодержавную власть царя?

Практически все консервативные публицисты, в том числе Л.А. Тихомиров, К.Н. Пасхалов, В.П. Мещерский и др., негативно восприняли манифест 17 октября 1905 г., декларировавший основные политические свободы и объявивший выборы в законодательную Государственную думу. С их точки зрения, совершенно правомерной, данное решение было не добровольным актом монарха, а вынужденной уступкой

революционному движению в стране. Тихомиров подчеркивал, что манифест составлялся бюрократией в спешке под давлением революции, без учета государственных интересов России. Тем самым Верховная власть продемонстрировала свою слабость вместо того, чтобы дать решительный отпор революционной анархии [20, С. 2-3; 19, С. 101; 8].

При этом распространенным мнением стал тезис о том, что русский народ вовсе и не стремился получить свободы, декларированные манифестом. Пасхалов утверждал, что этот акт монаршей воли, вырванный у него революцией, «оставил народ вполне равнодушным и не выказывающим ни малейшего старания его исполнить» [17, С. 128]. В свою очередь революционные силы использовали политические свободы для дальнейшего разжигания антиправительственных выступлений. В связи с этим К.Н. Пасхалов и другие публицисты связывали с изданием манифеста дальнейший рост революционного движения в стране. По словам Пасхалова, Россия была отдана во власть «земским демагогам», «жидовствующей интеллигенции», «обезумевшему от надежды на беспредельный земельный захват крестьянству» [17, С. 97]. В стране стараниями либеральных деятелей были созданы благоприятные условия для деятельности социал-демократов, социалистов-революционеров и анархистов, «которых можно именовать не иначе как «партией убийц», вторил ему Н.А. Энгельгард [23, С. 11]. Таким образом, часть консерваторов игнорировали важное последствие манифеста, после издания которого наметился раскол в прежде едином оппозиционном лагере.

Однако немногие публицисты консервативного лагеря все-таки отметили наметившиеся перспективы спада революционного движения в стране. Так, М.О. Меньшиков назвал день 17 октября победой русской революции, но одновременно и днем ее завершения, не смотря на продолжающиеся в стране «бунты и грабежи» [6]. Д.М. Бодиско, проанализировав изменения в соотношении политических сил в стране, отметил позицию либералов, поддержавших манифест, что, с его точки зрения, создавало благоприятные условия для сплочения всех монархических сил на платформе манифеста от охранителей до либералов в целях противостояния революции. Он призвал консерваторов отбросить все разногласия, подчиниться воле монарха, и «для блага России и общего успокоения перейти в разряд охранителей нового порядка», допустив временный тактический союз с правым крылом либеральных сил [1]. При этом следует отметить, что политические условия для временного тактического блока консерваторов и умеренных либералов сложились только после подавления революции и изменении избирательного закона в Государственной думе третьего созыва. На осень 1905 года консервативно-охранительные политические силы и правое крыло либерального движения находились в стадии институализации. Кроме того, сами консервативные публицисты склонны были винить либералов и в давлении на монарха в вопросе издания манифеста, и в поддержке революции. Наконец, существовало принципиально разное отношение к манифесту с тактической точки зрения, если консерваторы еще надеялись при условии политической стабилизации на отмену или ограничения положений манифеста, то либеральные политические деятели связывали с манифестом возможности дальнейшего реформирования политической системы.

Единодушно осудив манифест, публицисты разошлись в оценках его последствий для самодержавной формы государственного правления. Если, например, Н.А. Энгельгардт подчеркивал, что манифест вводит начала конституционной монархии [22, С. 309.], то лидер черносотенного Союза русского народа А.И. Дубровин, заявлял, что манифест «совершенно не касается самодержавия» [3]. М.О. Меньшиков считал, что абсолютизм сменился парламентарным устройством [6], а Л.А. Тихомиров с горечью писал, что это «отказ императора от самодержавия» [19, С. 82]. В.П. Мещерский же отмечал, что манифест «ограничивает неограниченную государеву власть», но не покушается на «целостность

самодержавия» [7]. Подобные разногласия были следствием различной трактовки понятий «самодержавие» и «неограниченная форма правления».

По данному вопросу в консервативной публицистике выделились две противоположные точки зрения. Часть авторов разграничивали эти понятия. Н.А. Энгельгардт рассматривал «самодержавие» как синоним понятия «государственный суверенитет», выражение «сущности полноправного и независимого, единого и нераздельного государства». Носителем государственного суверенитета в его трактовке должен быть царь и народ, представленный в Государственной думе. Учреждение законодательной Государственной думы, подчеркивал он, лишает монарха неограниченной власти, но сохраняет за ним титул «самодержец», который является «историческим достоянием и в представлении народа связан не с неограниченностью власти, а с понятием о монархии» [22, С. 309].

На таких же позициях стоял и В.П. Мещерский. по его словам, «неограниченная власть – это самовластие бюрократии, это антитеза свободе», в то время как «самодержавие» – это «верховная власть над народом», защищающая интересы общего блага, ограничивающая произвол бюрократии [9]. Мещерский подчеркивал, что «самодержавие есть неотъемлемая принадлежность русского царя», это понятие не только не противоречит самой широкой политической свободе, но и может «органически сливаться с народным представительством», которое обеспечит связь народа с царем и ослабит позиции бюрократии [8].

Соответственно, данные публицисты, признав ограничение абсолютизма, после издания манифеста, тем не менее, настаивали на сохранении в неприкосновенности самодержавия.

В.А. Грингмут, Л.А. Тихомиров, К.Н. Пасхалов и другие публицисты, напротив, рассматривали «самодержавие», собственно, как неограниченное правление монарха, и подчеркивали частичное ограничение самодержавия после учреждения законодательной Государственной думы. В этом они видели цель манифеста 17 октября и последующих актов, закрепленных в новой редакции Основных законов.

Так Грингмут называл «величайшей нелепостью» утверждение о сохранении в России самодержавия в условиях ограничения власти царя законодательной Государственной думой [4, С. 61]. Понятие «самодержавный» для него неразрывно было связано с «неограниченностью правления монарха». Данное положение было очевидно и для Тихомирова, который расценивал акт 17 октября как «отказ императора от самодержавия» [19, С. 82]. При этом в консервативной публицистике была распространена точка зрения о недопустимости для монарха отказаться от неограниченного правления добровольно в связи с тем, что данная власть вручается императору Богом. Как отмечал Тихомиров, «Верховная (а потому и неограниченная) Власть Императора Всероссийского не есть его частная собственность, а политическая обязанность, освященная Божественным призванием, и врученная царю от народа, поэтому по собственному желанию, без согласования с народом монарх от нее отказаться не может» [20, С. 12].

С этим утверждением категорически был не согласен Мещерский. Не оспаривая сам характер божественного происхождения самодержавной власти царя, он указывал, что те, кто «отрицают право царя изменять приделы своей власти, тем самым отрицают его самодержавие» [11].

Рассмотренные теоретические разногласия консервативных публицистов, повлияли на их оценки содержания Новой редакции Основных законов и Положения о Государственной думе и Государственном совете.

К.Н. Пасхалов считал, что конечной целью реформы было введение в России конституционной монархии, для полного осуществления этого плана недоставало только

октроированной конституции и «присяги монарха в ее соблюдении» [16, С. 11]. Необходимо отметить, что идеологи самодержавия в принципе негативно относились к конституционной форме правления, так как заменяли государственно-правовые основы власти религиозно-нравственными. В соответствии со славянофильской традицией они усматривали в этом проявление самобытности русского государства. Например, Грингмут видел «основание прочности русского государства не в юридическом контракте, а в нравственном единении царя с народом, основанном на православном миропонимании» [5]. Мещерский называл «европейский конституционализм» «духовным ядом» для русского человека, развращающим его, погружающим в состояние «бесконечной апатии к Отечеству и к каждому серьезному труду» [12].

Рассмотренные разногласия в консервативной публицистике отразили противоречивость и незавершенность политических реформ. На это, в частности, обратили внимание Л.А. Тихомиров и К.Н. Пасхалов. Они обоснованно подчеркивали, что в самом законе были заложены взаимоисключающие принципы государственного управления – народовластия в лице законодательной Государственной думы и неограниченного правления в лице самодержавного монарха. Это предопределило постоянную борьбу за власть в дальнейшем между народным представительством, с одной стороны, и монархом, - с другой [20, С. 33; 16, С. 13].

Опыт деятельности Государственной думы первого и второго созыва убедил консервативных публицистов в наличии системного государственного кризиса, который стал следствием поспешных и непродуманных реформ, проведенных властью под давлением революции. К.Н. Пасхалов отмечал, что Дума вместо успокоения страны внесла в нее еще большую смуту, «теперь уже законно и неприкосновенно сконцентрировавшуюся в этом учреждении» [17, С. 263]. В.П. Мещерский возлагал вину за это не только на «революционных главарей» Думы, но и на правительство, которое попустительствовало революционным партиям в ходе выборов, бойкотировало и игнорировало само существование Думы в период ее работы, совершенно не пытаясь найти возможность для совместной деятельности [10]. Депутат II Государственной думы черносотенец В.М. Пуришкевич подчеркивал, что Думу – этот «всероссийский кабак» - следовало разогнать сразу же после ее открытия, если бы премьер П.А. Столыпин не был бы запуган революционной анархией [18].

Соответственно, консерваторы приветствовали роспуск II Государственной думы 3 июня 1907 года и изменение избирательного закона, надеясь на качественное обновление политического состава депутатов и новый курс премьера П.А. Столыпина. Однако их ликование по поводу прохождения в III Государственную думу большого числа правых депутатов, омрачилась, с одной стороны, провалом планов создания единой сильной правой фракции, а, с другой – непоследовательной, с точки зрения правых, тактикой октябристов. Уже первые месяцы работы Государственной думы показали, как отмечал Мещерский, что между кадетами и октябристами нет политической разницы, за исключением того, что «кадеты признаны врагами Государя и России официально, а октябристы таковыми признаны только строгими исповедниками самодержавия, не взирая на то, что они, октябристы, ежеминутно поют гимн и кричат «ура» [14].

Опыт работы Государственной думы третьего созыва опять поставил перед идеологами консерватизма всю ту же проблему – принципиальный изъян реформированной политической системы, который заключался в предоставлении народному представительству законодательных прав и его превращение в арену борьбы политических партий. При этом консерваторы обоснованно обращали внимание власти на то, что попытки правительства Столыпина лавировать между крайними флангами Думы, загоняли систему в бесконечную череду парламентских кризисов, из которых власть

пыталась выйти, расширяя применение 87 статьи Основных законов, дававшей исполнительной власти право принимать законы в период между сессиями. Эта практика, писал Л.А. Тихомиров, «придает очень сомнительный характер правам законодательных учреждений, а сверх того господство 87 статьи имеет то последствие, что наиважнейшие меры вводятся в жизнь без широкого законодательного обсуждения...» [19, С. 91].

Анализируя опыт деятельности Государственной думы трех созывов, консервативные публицисты предлагали свои варианты реформирования государственной политической системы в целях придания ей устойчивости и логической завершенности.

С точки зрения К.Н. Пасхалова и Л.А. Тихомирова Государственная дума как представительное учреждение продемонстрировала тенденцию к эволюции в сторону развития и утверждения парламентаризма. Важнейшим недостатком парламентарной системы они считали введение многопартийной системы. Межпартийная борьба, с их точки зрения, разъединяет общество, вносит в него вражду, нетерпимость, лишает человека, способности самостоятельно мыслить и принимать решения. Политической власти партий Тихомиров противопоставил «власть нравственную», основанную на религиозном начале, неразрывно связанном с неограниченной монархией. По его словам, логическим продолжением парламентарного строя станет установление «социализма и анархии», «создающих ... вместо одних господ-эксплуататоров – других, еще худших» [19, С.142, 145]. Пасхалов подчеркивал, что партийность – это «язва» всякого представительного собрания – позволяет захватить власть «ловким интриганам, стремящимся к достижению своих личных целей вне всякой заботы о государственной пользе» [16, С. 39].

Идеологи самодержавия пришли к очевидному выводу о несовместимости законодательного выборного органа власти с неограниченным самодержавием. Пасхалов обоснованно утверждал, что «самодержавие может быть только неограниченным или совсем не быть», «ограниченное или конституционное самодержавие есть ...бесмыслица» [16, С.31].

К.Н. Пасхалов, Л.А. Тихомиров, В.П. Мещерский и другие считали необходимым внести изменения в Основные законы, в Положение о Государственной Думе и Государственном Совете, с тем чтобы восстановить неограниченное самодержавное правление. Мещерский предлагал лишить Думу законодательных прав, оставив эти функции только Государственному Совету. С его точки зрения следовало оставить народное представительство в сочетании с неприкосновенным самодержавием с тем, чтобы Дума могла «служить выразителем народных нужд» [13, 14].

Большинство консерваторов настаивали на преобразовании народного представительного органа власти в однопалатное совещательное собрание по типу Земских соборов. Пасхалов и Грингмут специально подчеркивали, что с самодержавием может сочетаться только Земский собор, созываемый Верховной властью для обсуждения конкретных вопросов, лишенный права законодательной инициативы [4, С. 59; 16, С. 44].

Кроме того, идеологи самодержавия большое внимание уделили избирательной системе, которую необходимо было преобразовать на принципах сословности. Тихомиров предложил избирать депутатов от сословных групп или земских и городских учреждений, вводя прямую систему выборов. Пасхалов считал возможным проводить выборы через предварительно реформированные земские учреждения [19, С. 264-270; 16, С. 36]. С их точки зрения, пропорциональная многостепенная система выборов, с одной стороны, лишала депутатов прямой связи с избирателями, а с другой – избиратели в большинстве своем выбирали кандидатов им совершенно незнакомых, и не могли в должной мере проконтролировать их деятельность. Как Тихомиров, так и Пасхалов настаивали на ликвидации депутатской неприкосновенности, которая «избавляет их от необходимости

соблюдать законы, ставит их в положение неподсудности и вседозволенности», и предоставлении избирательных прав исключительно русскому православному населению [19, С. 267; 16, С. 9].

Таким образом политические реформы начала XX века в России вызвали серьезные теоретические разногласия среди идеологов консерватизма, к которым добавились и тактические споры, вызванные практикой политической борьбы в условиях революционного кризиса. Это привело к тому, что консервативные силы оказались раздроблены и им не удалось создать сильной единой политической партии. С другой стороны, анализ деятельности Государственной думы первых созывов, и ее взаимодействие с органами исполнительной власти, позволил лидерам консервативного движения выявить серьезные недостатки созданной политической системы, провоцировавших серьезные структурные кризисы государственной власти. Однако предложенная ими программа по купированию этих недостатков, по сути, оказалась набором контрреформационных мер, основанных на идейных постулатах консерватизма, выработанных на протяжении XIX века, таких как сакрализация монархической власти, признание незыблемости самодержавия, ведущая роль православной церкви в государстве, сохранение сословной структуры общества. Как показало дальнейшее развитие социально-политической ситуации в стране эта программа не нашла широкой поддержки в обществе.

Список литературы:

1. Бодиско Дм. Переворот в русской жизни и новая группировка партий / Дм. Бодиско // Гражданин. – 1905. – 10 ноября. – С. 1.
2. Боханов А. Н. Самодержавие Идея царской власти / Александр Боханов; [Ин-т рос. истории РАН]. – Москва: Рус. слово, 2002. – 349, [2] с. – ISBN 5-94853-063-9.; Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика / Гросул В. Я., Итенберг Б. С., Твардовская В. А. и др.; под ред. Гросула В. Я.; / РАН. Ин-т Рос. Истории. – Москва: Прогресс-традиция, 2000. – 439 с. – ISBN 5-89826-027-7; Гилязова О. С. Традиционные российские ценности: понятия, назначение, достоинства и ограничения / О. С. Гилязова // Социально-политические исследования. – 2024. – № 2 (23). – С. 27 – 45. и др.
3. Дубровин А.И. Передовая статья / А. Дубровин // Русское знамя. –1906. – 6 января. – С.1.
4. Грингмут В.А. Собрание статей В. А. Грингмута: 1896-1907. / В.А. Грингмут. – Вып.4. – Москва: Унив. Тип., 1910. – 410 с.
5. Грингмут В.А. Руководство монархиста-черносотенца / В. Грингмут // Московские ведомости. – 1906. – 3 (16) июня. – С.1.
6. Меньшиков М.О. Революция и бунт / М. Меньшиков // Новое время. – 1905. – 16 (29) ноября. – С. 2.
7. Мещерский В.П. Дневники / В. Мещерский // Гражданин. – 1906. – 5 января. – С. 3.
8. Мещерский В.П. Дневники / В. Мещерский // Гражданин. – 1906. – 8 января. – С. 3.
9. Мещерский В.П. Дневники / В. Мещерский // Гражданин. – 1906. – 19 февраля. – С. 4.
10. Мещерский В.П. Дневники / В. Мещерский // Гражданин. – 1906. – 13 июля. – С. 2.
11. Мещерский В.П. Дневники / В. Мещерский // Гражданин. – 1906. – 28 сентября. – С. 2.
12. Мещерский В.П. Дневники / В. Мещерский // Гражданин. – 1907. – 4 октября. – С. 3.

13. Мещерский В.П. Дневники / В. Мещерский // Гражданин. – 1907. – 30 августа. – С. 4.
14. Мещерский В.П. Дневники / В. Мещерский // Гражданин. – 1908. – 18 января. – С. 5.
15. Модели общественного переустройства России: XX век. / В. В. Зверев [и др.]; отв. ред. В. В. Шелохаев; Ин-т обществ. мысли. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 606 с. – ISBN 5-8243-0582-X; Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков // Ортодоксия. – 2021. – № 3. – С. 14–43.
16. Пасхалов К.Н. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года государственного строя и попытка их устранения / К.Н. Пасхалов. – Москва: печатня А.И. Снегиревой, 1910. – 70 с.
17. Пасхалов К.Н. Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. / К.Н. Пасхалов. – Москва: Унив. тип. Т. 1. – 304 с.
18. Пуришкевич В.М. Передовая статья / В. Пуришкевич // Русское знамя. – 1907. – 19 мая. – С.1.
19. Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России / Л.А. Тихомиров. – Москва: тип. В.М. Саблина, 1912. – 343 с.
20. Тихомиров Л.А. О недостатках конституции 1906 г. / Л.А. Тихомиров. – Москва: Унив. тип., 1907. – 67 с.
21. Тихомиров Л.А. Самодержавие и народное представительство / Л.А. Тихомиров. – Москва: Унив. тип., 1907. – 22 с.
22. Энгельгард. Н.А. Современная летопись / Н.А. Энгельгард // Русский вестник. – 1906. – № 3. – С.250-351.
23. Энгельгард. Н.А. Современная летопись / Н.А. Энгельгард // Русский вестник. – 1906. – №11. – С.232-320.

References:

1. Bodisko Dm. The Revolution in Russian Life and the New Grouping of Parties / Dm. Bodisko // Grazhdanin. - 1905. - November 10. - P. 1.
2. Bokhanov A. N. Autocracy. The Idea of Tsarist Power / Alexander Bokhanov; [In-t rus. history RAS]. - Moscow: Rus. word, 2002. - 349, [2] p. - ISBN 5-94853-063-9.; Russian conservatism of the 19th century: ideology and practice / Grosul V. Ya., Itenberg B. S., Tvardovskaya V. A. et al.; edited by Grosul V. Ya.; / RAS. In-t rus. History. - Moscow: Progress-tradition, 2000. - 439 p. - ISBN 5-89826-027-7; Gilyazova, O. S. Traditional Russian Values: Concepts, Purpose, Advantages, and Limitations / O. S. Gilyazova // Socio-political Studies. - 2024. - No. 2 (23). - Pp. 27 - 45. and others.
3. Dubrovin, A. I. Editorial / A. Dubrovin // Russkoe Znamya. - 1906. - January 6. - P. 1.
4. Gringmut, V. A. Collected Articles by V. A. Gringmut: 1896-1907. / V. A. Gringmut. - Issue 4. - Moscow: University Press, 1910. - 410 p.
5. Gringmut, V. A. Handbook of the Black Hundred Monarchist / V. Gringmut // Moskovskie Vedomosti. - 1906. - June 3 (16). - P. 1.
6. Menshikov M.O. Revolution and Revolt / M. Menshikov // New Time. - 1905. - November 16 (29). - P. 2.
7. Meshchersky V.P. Diaries / V. Meshchersky // Grazhdanin. - 1906. - January 5. - P. 3.
8. Meshchersky V.P. Diaries / V. Meshchersky // Grazhdanin. - 1906. - January 8. - P. 3.

9. Meshchersky V.P. Diaries / V. Meshchersky // Grazhdanin. - 1906. - February 19. - P. 4.
10. Meshchersky V.P. Diaries / V. Meshchersky // Grazhdanin. - 1906. - July 13. - P. 2.
11. Meshchersky V.P. Diaries / V. Meshchersky // Grazhdanin. - 1906. - September 28. - P. 2.
12. Meshchersky V.P. Diaries / V. Meshchersky // Grazhdanin. - 1907. - October 4. - P. 3.
13. Meshchersky V.P. Diaries / V. Meshchersky // Grazhdanin. - 1907. - August 30. - P. 4.
14. Meshchersky V.P. Diaries / V. Meshchersky // Grazhdanin. - 1908. - January 18. - P. 5.
15. Models of Social Reorganization of Russia: 20th Century. / V. V. Zverev [et al.]; ed. V. V. Shelokhaev; Institute of Social Thought. - Moscow: ROSSPEN, 2004. - 606 p. - ISBN 5-8243-0582-X; Minakov A. Yu. Russian conservatism in the first quarter of the 19th century / A. Yu. Minakov // Orthodoxy. - 2021. - No. 3. - P. 14-43.
16. Paskhalov K.N. Errors of the state system renewed on October 17, 1905 and an attempt to eliminate them / K.N. Paskhalov. - Moscow: printing house A.I. Snegireva, 1910. - 70 p.
17. Paskhalov K.N. Collection of articles, appeals, notes, speeches, etc. / K.N. Paskhalov. - Moscow: Univ. type. T. 1. - 304 p.
18. Purishkevich V.M. Editorial / V. Purishkevich // Russian Banner. - 1907. - May 19. - S.1.
19. Tikhomirov L.A. Towards the reform of a renewed Russia / L.A. Tikhomirov. - Moscow: type. V.M. Sablina, 1912. - 343 p.
20. Tikhomirov L.A. On the shortcomings of the Constitution of 1906 / L.A. Tikhomirov. - Moscow: Univ. typ., 1907. - 67 p.
21. Tikhomirov L.A. Autocracy and people's representation / L.A. Tikhomirov. - Moscow: Univ. typ., 1907. - 22 p.
22. Engelhard. N.A. Modern chronicle / N.A. Engelhard // Russian Bulletin. - 1906. - No. 3. - P.250-351.
23. Engelhard. N.A. Modern Chronicle / N.A. Engelhard // Russian Bulletin. - 1906. - No. 11. - P. 232-320.